

— Иконы, мы считаем, главные итоги Года Прокофьева!

На этот вопрос редакции отвечают критики, кандидаты искусствоведения Е. Третьякова, А. Чепуров, Н. Потапова.

Марининский театр. — 1992. — 25216

Е. ТРЕТЬЯКОВА:

В чем главная особенность прошедшего в театре Прокофьевского фестиваля? Впервые за многие годы театральные впечатления оказались ничуть не меньшими, чем музыкальные. Марининская опера становится Театром, а не только храмом Музыки. Четыре прокофьевские оперные премьеры 1991 года — уникальное творческое событие. Если говорить о постановках, то для меня ближе других «Игроки». Я не говорю лучше, а именно ближе. Хотя каждый из спектаклей интересен по форме, режиссуре, сценографии. Каждый — прорыв в современный

театр. Каждый чрезвычайно полезен для роста труппы. Каждый одновременно и школа, и высокий художественный результат. Постановки различны по жанру, приемам режиссуры... Что их объединяет? Объединяет... спорность сценических трактовок. Ни одна из постановок не вызвала единого мнения, однозначных оценок. Напротив — разброс точек зрения как никогда велик. Polemika вокруг спектакля, его художественного решения, его смысла — главная черта Живого театра. Для меня спорность дороже многих похвал.

Кто из актеров особенно запомнился в прокофьевском репертуаре? Актерских удач

много. На мой взгляд это прежде всего Е. Прокина — Наташа, Г. Григорин — Пьер («Война и мир»), В. Солодовников — Принц, И. Богачева — Клариче («Любовь к трем апельсинам»), В. Галузин — Алексей, Е. Прокина — Полина («Игроки»), Г. Горчакова — Рената, К. Плужников — Мефистофель («Огненный ангел»). Называю именно тех, кому удалось не просто прожить вокальное мастерство, но и артистизм, воплотить характеры, создать художественные образы, яркие и выразительные.

Впрочем, подробный и развернутый разговор о фестивале, о сделанном театром за весь прокофьевский год, еще впереди.

А. ЧЕПУРОВ:

Закончился прокофьевский год. В Марининском театре он был богат событиями. Урожай премьер поистине небывалый. Четыре оперные постановки, симфонические концерты, гастроли, телетрансляции, звукозаписи... Еще совсем недавно о таком можно было только мечтать.

Иными словами, Марининский театр уверенно становится в ряд престижных мировых театров.

Что же за всем этим стоит в ряду ценностей на первом месте? Более всего поражаешься виртуозному администраторскому таланту В. Гергиева, его деятельной энергии, способности существовать в антитворческих экстремальных ситуациях, не утрачивая своего профессионализма.

Ну а по существу, по художественному счету впечатления раскладываются в особой иерархии. Симфонические концерты и концертные исполнения стоят безусловно на первом месте. Но оставив их в стороне, сосредоточимся на оперных спектаклях. Первенство, на мой взгляд, принадлежит великолепной постановке «Войны и мира». Здесь произошло удивительное соеди-

нение контрастного, декоративного стиля музыкальной трактовки с глубиной и эффективностью режиссуры, сценографии и машинерии.

На втором месте в моей «табели о рангах» стоит изысканная постановка «Игроков», являющаяся оперным дебютом Т. Чхендзе. На первом плане здесь проявляется виртуозное плетение отношений Алексея и Полины, которые весьма органично осуществляют Е. Прокина и В. Галузин. Но при динамичности внешнего рисунка ролей этот спектакль почему-то не несет в себе внутреннего потрясения. Т. Мурванидзе сделал все, чтобы ошеломить нас, «попрокинув» игорный зал уже в самом начале действия. Однако оформление оказалось несколько «статичным».

«Огненный ангел» предстал в сознании режиссера Фримана как некие «бесовские» эскизы. Иначе это действо и не назвать, ибо фрагментарность, незавершенность партитуры Прокофьева здесь была возведена в принцип. Удачно дебютировавшая Г. Горчакова в партии Ренаты лишь отчасти фокусировала в себе внутренний драматический смысл этого произведения. С. Лейферкусу же кроме эффектного парика режиссер,

к сожалению, не предложил никакой содержательной задачи. Тщетно пытается найти таковую Л. Дядькова в партии Гадалки, но удачно «находит себя» лишь К. Плужников, созданный саркастический образ Мефистофеля. В остальном же в центре оказываются пластические этюды «бесов».

Что касается «Любви к трем апельсинам», то здесь, конечно же, героем спектакля стал художник В. Окунев, сочинивший замечательную по изобретательности и красоте коллекцию театральных костюмов, и блистательная И. Богачева в партии Клариче, открывшая в себе яркий комедийный дар.

Словом, впечатления самые разнообразные, детальный разбор спектаклей, их достоинств и просчетов еще впереди, как и анализ всего того, что обрела труппа театра и вообще культура современного Петербурга с этим прокофьевским фестивалем. Можно лишь гадать, что стоит за подобной «циклическостью» в устремлениях театра. Являются ли они поисками своего «Кольца нибелунгов», как нового эпоса нашего времени, или просто демонстрируют стремление к безудержному расширению репертуара. Что ж, время покажет.

Н. ПОТАПОВА:

Кончился год Прокофьева. Очень тяжелый год нашей жизни. Особенно тяжелый морально — в состоянии полной нестабильности.

Похоже, дальше будет трудней. Возможно, выдержит только тот, кто умеет работать. Понастоящему, как мы раньше и не ведали.

Главный итог театра за прошлый год: здесь научились работать. Четыре спектакля за шесть месяцев — такое казалось всем абсолютным абсурдом. А оказалось реальностью.

Марининский достиг уровня сценической культуры, при котором можно говорить о его включении в мировую театральную систему. На этом новом уровне далеко не все блестяще, но линия отсчета достоинства любой работы теперь уже явная.

Выросла музыкально-профессиональная оснащенность певцов. Четыре прокофьевских оперы привели если не любовь, то навыки уразумения, как подходить к музыкально-вокальной интонации XX века. В дальнейшем терпимости может постепенно стать доброжелательной

привычкой, привычка — пониманием, а там, глядишь, и любовью. Это как в интеллигентном браке по расчету: такие иногда приносят отменно здоровые плоды. Только здесь не похоже, что «привычка свыше нам дана». Эту привычку нужно ой каким трудом наработать...

Но уже и наработать научились. На верхней сцене на «прогоне» «Игроков» пели и играли без дирижера и подсказок концертмейстера. И как точно пели, как идеально интонировали, как свободно действовали!

Нарабатывать научились и актерские навыки. Сложнейшая по музыке, по пластике, по накалу замечательная картина в «Огненном ангеле» идет раз от разу все лучше (не сплзнить бы!), и вовсе не потому, что количество смелых раздвальных растет...

Научились преодолевать актерскую степенность, солидность. Ирина Петровна Богачева ядром с таким наслаждением и самоиронией сотворила острохарактерную роль в «Апельсинах». Никто от нее подобной отдачи не ожидал. Или вот все вспоминаю, с каким сладострастием Фата Моргана Светланы Волковой в тех же «Апельсинах»

любопытничает, и чудачи так ее азартно подначивают, а потом — хлоп — и под сачок! Конечно, это хорошо придумано и хорошо поставлено, но в зал передается, кроме того, особое, настоящее удовольствие, с которыми актеры озоруют в этом спектакле. Но пока еще до настоящей вольной импровизации недотягивают...

Научились у Чхендзе железной логике сценического поведения — одно с другим в «Игроке» звеня прочно спелены, нет психологических пустот, нет просто пения в зал, есть постоянные взаимоотношения, а значит — действие.

Засветились на петербургском оперном небосводе за последние шесть месяцев новые яркие звездочки. «Война и мир» подарила зрителям Гегаму Григорину в новом качестве и Василию Герело; «Игроки» — Владимира Галузина и Елену Прокину, «Ангел» — Галину Горчакову.

Да и так ли уж плох был этот год? Сколько свершилось актерских мечтаний, сколько реализовано идей... И замечательные слова появились на афишах: Марининский театр! Дай Бог ему и вам здравия, дамы и господа!